

Сатана все еще продолжает попытки сломить Иова через его друзей: «Пустословие твое заставит ли молчать мужей, чтобы ты глумился, и некому было постыдить тебя?» (11:3). Великая борьба продолжается. Полем битвы между Богом и сатаной стала земля и живущий на ней человек.

Люцифер стремится очернить Бога, обвинить Его в несправедливости. Сатана претендует на полное господство над людьми. Почему Бог вмешивается в его дела? Неужели Ему мало всей Вселенной? Да, верно, того желают некоторые люди, подобные Иову! Потому их нужно либо сломить, либо хитростью и обманом перетянуть на свою сторону.

Друзья Иова тоже некогда были полными сторонниками Бога. Они и сейчас считают себя таковыми, но сатана знает лучше. По крайней мере, в этот момент они исполняют его планы. Но Иов упорствует в своей непоколебимости и по-прежнему уповает только на Бога. Похоже, он все ближе и ближе к тому, чтобы понять суть борьбы. Но этого допустить нельзя.

Несмотря на попытки Иова перевести разговор в другое русло, его друзья, словно сговорившись, обвиняют его во грехе. Разумеется, в их речах встречаются «правильные» мысли, которыми и мы, от случая к случаю, оперируем в нашей христианской жизни. «Можешь ли ты исследованием найти Бога? Можешь ли совершенно постигнуть Вседержителя?» (11:7). Но Иову не надо искать Его.

Иов пребывал с Богом постоянно, да и сейчас он уверен, что Господь рядом. Только вот друзья его упорно пытаются навязать ему мысль о грехе и неверности. Более того, они выступают в роли всезнающих судей: «Но если бы Бог возглаголал и отверз уста Свои к тебе и открыл тебе тайны премудрости, что тебе вдвое больше следовало бы понести! Итак, знай, что Бог для тебя некоторые из беззаконий твоих предал забвению» (11:5, 6).

Как часто дьявол использует этот прием против невинных людей. В различных ситуациях им упорно навязывают преступление, которое они не совершали, до тех пор, пока они, будучи морально раздавлены, не начнут оговаривать себя.

Чего же хотел достичь дьявол, пытаясь заставить Иова признаться в несуществующем грехе? Вероятно, он мотивировал бы этим признанием как свидетельством нечестности Бога, Который якобы пытался выгородить Иова и представить святым, в то время как он в действительности являлся грешником. Обвинение в подлоге было бы исключительно удачным аргументом.

Но существовала еще одна причина: Иов продолжал оставаться верным слугой Творца. Если бы он, хотя на некоторое время, усомнился в том, что все это время находился с Господом, то сейчас же начал бы искать другого, «истинного» бога, которым оказался бы не кто иной, как сам сатана. И нам подчас может внушаться мысль, что мы идем к вечности не по той дороге, и тогда мы начинаем петлять в поисках истинного пути, в то время как на самом деле мы только что покинули его.

Софар - язвительный и легко ранимый человек. Нередко эти два качества характера органично сочетаются в одном человеке. Я вправе кого угодно уколоть, но меня не тронь - такова психология Софара. Его больно ранили слова Иова: «Вам надлежало бы сказать: —зачем мы преследуем его? Как будто корень зла найден во мне. Убойтесь меча, ибо меч есть отмститель неправды, и знайте, что есть суд» (19:28, 29). Пытаясь заглушить встревоженную совесть, Софар вспыхивает, прерывает Иова и заявляет: «Размышления мои побуждают меня отвечать, и я поспеваю выразить их. Упрек, позорный для меня, выслушал я, и дух разумения моего ответит за меня» (20:2, 3). Возможно, из-за этой своей обидчивости он не пожелал участвовать в третьем цикле диалога.

Читатель, возможно, заметил, что только Софар позволил себе начать речь с оскорбительных обвинений в пустословии (11:3); лишь он один зашел так далеко в изобличении «беззаконного» Иова, что стал приписывать ему дела, которые тот никогда не совершал, - «он угнетал, отсылал бедных; захватывал дома, которых не строил; не знал сытости во чреве своем и в жадности своей не щадил ничего. Ничего не спаслось от обжорства его» (20:19-21).

К сожалению, Иов остался непонятым своими друзьями. Отстаивая свои представления о причине страданий и бед, обрушившихся на человека, они приводили доводы, которые как бы говорили: «Ты бы посмотрел на нас: будучи благочестивыми, мы не страдаем, как ты—» «Но часто те, кто превозносит свою святость, более виновны, нежели страдальцы, которых они осуждают» (102, 181).

